

КОНЦЕПТОСФЕРА ДУШИ И СЕРДЦА В ПОЭЗИИ ИГОРЯ ИВАНЧЕНКО:
К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Одним из аспектов исследования художественного произведения в современной филологии является анализ текста с точки зрения организации его семантического пространства [1,95-166]. Этот подход сложился под влиянием когнитивной теории языка, получившей в последние годы широкое распространение.

Базовым понятием, позволяющим описать семантическое пространство текста, выступает понятие концепта. Сформированный в рамках когнитивизма, данный термин ориентирован на представление категорий семантики. Свойства концепта обобщены С.Г.Воркачевым: концепт является закреплённым за определённым способом языковой реализации *содержанием* языкового знака; концепт включает в себя помимо предметной (понятийной) и психологической (образной и ценностной) отнесённости всю коммуникативно значимую информацию: внутрисистемную, прагматическую и этимологическую; как единицу лексической семантики концепт отличает лингвокультурная отмеченность [2,47]. Введение понятия «концепт» в исследование даёт возможность анализировать знаковые единицы как носители духовной (ментальной) информации. Семантические образы, встраивающиеся в смысловую структуру данного концепта, образуют с ним единую *концептосферу*. Совокупность концептов в границах художественной системы одного писателя (поэта) формирует авторскую картину мира.

Задача настоящей статьи – опираясь на методику концептуального анализа, выявить отдельные закономерности художественной картины мира, складывающейся в поэтических произведениях Игоря Иванченко. Поскольку семантическое пространство лирических текстов по сути представляется безграничным, остановимся на тех его фрагментах, которые воплощают концептосферу Души и Сердца. Когнитивная традиция сближает эти концепты, рассматривая душу и сердце как «духовные центры» [3,138] человека.

Художественной системе Игоря Иванченко присуще классическое начало, что проявляется в отдельных способах концептуализации автором действительности. Так, образ Сердца осмысливается в русле фольклорной и книжно-поэтической традиций - как вместилище души, хранитель чувств, мыслей, переживаний. Установкой на искреннее, глубоко откровенное воспроизведение событий реальности задается метафорический ряд стихотворения «Сентиментальный романс»: «*Моё сердце разбилось. Теперь я его собираю По крупичкам, оставленным некогда лучшим друзьям*»; «*на сердце взвалилась непереносимая кладь*»; «Достаточно благости чудной На земное мгновенье ответно коснуться души, Чтоб лучистая искра остаток

отмеренных будней *Не померкла ни в сердце, ни в переплетенье морщин*» (- курсив наш. – О.К.) Можно заметить, что автор, опираясь на традиционную метафору «разбитое сердце», обнаруживает в ней возможность приращения новых семантических компонентов: собирать сердце «по крупичкам, оставленным некогда лучшим друзьям». В этом произведении образ Сердца наделен символическим подтекстом: реагируя на внешние обстоятельства с чуткостью камертона, Сердце вместе с тем – средоточие мощного духовного и душевного потенциала человека.

Новая грань образа Сердца раскрывается в стихотворении «Дыхание изменчивой весны...»: Сердце дарует человеку «внутреннее» (духовное) зрение, являясь своеобразным «проводником» информации о внешнем мире:
<...> ничто не ускользало от внимания,
когда в груди почувствовало сердце
тепло лучей, идущих не от солнца.

...тепло лучей, идущих не от солнца
и свет не от огня ночной лампадки...
На руку сел пугливый мотылек <...>

Образ Сердца следует трактовать в русле общей эстетической концепции лирического произведения.

Стихотворение «Дыхание изменчивой весны...» построено путем нанизывания строф-трехстиший. Своеобразием композиционной структуры это произведение приближается к особому жанру классической японской лирики - *рэнга* (поэзия стихотворных цепочек). Содержательная задача стихотворения - передать впечатление момента наступления весны.

Утонченность, изысканность образов обусловлена характером авторского подхода к изображению действительности. Семантическая основа стихотворения отражает ведущий принцип японской поэтики - следование эстетической категории *моно-но аварэ* (*моно* – “вещь, предмет”, *аварэ* – “слово” [4,12]), для которой характерны первостепенная значимость «эмоциональной реакции лирического героя на природные явления», воспевание способности «к быстрому и тонкому чувствованию эстетического сигнала» [5,529]. образу Сердца сообщается глубокий эстетический смысл: Сердце – источник внутреннего зрения, помогающий увидеть *то*, что непостижимо при визуальном контакте с окружающим миром, а открывается человеку лишь через сферу внутреннего чувства, - «дыхание изменчивой весны»:

<...> по стеблю сочному опять ползет улитка,
звук листика упавшего на землю...
порог открытий под моей ногой

порог открытий под моей ногой
вокруг вселенная, но рядом - никого!
почувствует ли то же собеседник?

Не случайно коммуникативную структуру стихотворения формирует глагол «чувствовать»: посредством его автор дает читателю установку на способ воспроизведения художественной информации через интуитивно-чувственное восприятие мира:

<...> Почувствует ли то же собеседник
едва раскрывшихся вишневых лепестков:
руки в ответ коснуться как без ветра?

Руки в ответ коснуться как без ветра,
рожденного движением души?
деревья шелестят над головою <...>

- Образы Души и Сердца превращаются в категории познавательного действия, позволяя автору проникнуть в самые потаенные уголки мироздания, обнаружить истинно поэтический смысл реальности, непроницаемый для других форм познания.

Концептуальный анализ стихотворений доказывает, что по своей символической нагрузке образ Сердца в поэтической системе Игоря Иванченко близок к мировой художественной традиции, сравните описание этого концепта Дж.Тресиддером: Сердце - «символический источник переживаний – любви, сострадания, отзывчивости, радости или горя, но также источник душевного просветления, истины и интеллекта» [6,330].

Кульминационной точкой развития духовного концепта Сердца в творчестве Игоря Анатольевича Иванченко можно считать стихотворение «Доказав, что на свете не всё суета...»:

Доказав, что на свете не всё суета,
Не молясь на Христа, но не бросив креста,
Вышибая запретные дверцы,
На тот берег, где мгла, чернота, пустота,
Над бездонной рекою, по рельсам моста
Простучало горящее сердце.

И от шквала осколков, от огненных звёзд
Когда сердце на том берегу взорвалось,
Ослепив темноты бесконечность,
Полыхнул как свеча одноразовый мост.
Но пролёты его навести удалось
Без расчетов, с запасом на вечность <...>

Внутренний энергетический стержень стихотворения формируется ярчайшей метафорикой. Персонифицированный образ Сердца отличается необыкновенной художественной ёмкостью.

Произведение строится на приеме контраста, который воссоздается на разных уровнях образной структуры:

- визуально-символические (цветовые) образы: «горящее сердце», «огненные звезды», «пламень» - «мгла, чернота», «темноты бесконечность»

- контрастность цвета ассоциативно моделирует полярные стороны действительности (свет – тьма);

- символические образы стихии: огонь («Полыхнул как свеча одноразовый мост») – земля / вода («А земля, словно море, вздохнула волной...»), проводящие идею диалектического единства мгновенного, проходящего - и постоянного, вечного (эта мысль отчетливо звучит в финальной части стихотворения), сил разрушения и сил созидания.

Воссоздавая образ Сердца, автор стремится воплотить его в форме могущественного, динамичного - сродни стихийному - начала, как колоссальный сгусток внутренней энергии. Сила воздействия стихотворения обусловлена тем, что в его семантической основе заложен богатый пласт ассоциаций, которые сопровождают образ Сердца в мировой и русской культуре: Сердце – светлое (духовное) начало, Сердце – пылающий огонь (разрушительная стихия), Сердце – созидательное начало, свободное и независимое, Сердце – стремление к истине, прорыв к новой жизни. Символической насыщенностью и монументальностью образ Сердца в данном стихотворении приближается к одному из сильнейших по своей выразительности и эстетической значимости образов русской литературы – образу горящего сердца Данко: «И всё его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их <- людей – О.К.>, вывести на лёгкий путь, тогда в его очах засверкали лучи того мощного огня <...> Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, пала в гнилой зев болота <...>» (М.Горький. Старуха Изергиль).

Если попытаться обобщить все ассоциативные смыслы, которые сопровождают концепт Сердца в поэзии Игоря Иванченко, то получим своего рода авторскую философию этого образа. И на первый план выдвигается одна его грань. Эмоционально и «духовно» окрашенный образ Сердца изначально призван олицетворять живительную энергию поэтического творчества, через Сердце поэт улавливает тонкие художественные импульсы, идущие свыше, - поэтому фраза «сердца вещь роптанье» («Предначертанное») может быть осмыслена как ключевая при трактовке концепта Сердца в границах художественной картины мира И.Иванченко.

Концепт Сердца встраивается в более широкое семантическое пространство – концептосферу Души. В поэзии Игоря Иванченко складывается особый образ Души – просветленной, гармоничной, пронизательной, доверительно-открытой по отношению к внешнему миру. Носителем Души выступает не только человек: Душа растворена в природе, которая наделяется многоликостью чувств, состояний (стихотворения «Сегодня Дождь взлетает в высоту...», «Дождь всю ночь притворялся снегом...», «Дождь», «Снег» и др.)

Отличительной чертой авторской позиции, определяющей главные особенности художественной картины мира, является стремление к внутреннему единению с мирозданием:

Я будто бы пушинка над травой;
Руки в ответ коснуться как без ветра,
рожденного движением души?

(«Дыхание изменчивой весны...»)

Тесная духовная связь с природой выражается проникновенно-теплой тональностью, которой окрашена пейзажная и пейзажно-философская лирика И.Иванченко. В природе автор находит источник вдохновения:

Нашептал мне дождик песню
Легкою строкой...
Как под этот плач небесный
Дышится легко!..
Струй живительных спасенье
На исходе сил...
Мне сегодня дождь весенний
Песню подарил!

Как он много между строчек
Высказал всего,
Много-точный переводчик
Сердца моего <...>

(«Песнь дождя»)

Отдельные произведения Игоря Иванченко представляют образцы аналитической поэзии: автор глубоко «исследует» разные стороны объективной действительности, проникая силой поэтической мысли в самую сущность явления. В наибольшей степени тенденция аналитического художественного письма проявилась в стихотворении «Прикосновение». Семантическое пространство текста строится путем «стяжения» образов, изначально восходящих к разным фрагментам действительности, в границах стихотворения сцементированных общей идеей – раскрыть содержание лёгкого осязательного движения – *Прикосновения*. Центральный образ осмыслен автором в широком философско-символическом ключе. *Прикосновение* – не просто физическое действие (каким оно является изначально) - это действие, рождающее движение души, шаг к познанию мира:

Прикоснуться – и значит узнать,
По-другому на мир оглянуться,
Прикоснуться – и значит понять
То, как нужно теперь прикоснуться,

Прикоснуться – один только раз,
И познается пламень и стужа...
Лучик света, *коснувшийся* глаз,
В них сиянье души обнаружит.

Своеобразие художественной картины мира, воплощенной в лирических произведениях Игоря Иванченко, заключается в ее ориентированности на широкий и всесторонний охват действительности.

Образные доминанты авторской картины мира задаются духовно-проникновенным отношением к окружающему. Авторская установка на глубокое интуитивно-чувственное постижение реального мира определяет значимость и значительность каждой детали в мире художественном, масштабность которого обусловлена характером творческой позиции автора – стремлением к неустанному поиску новых смысловых оттенков.

Типичным приемом поэтического воссоздания действительности является символизация, позволяющая автору найти необычный ракурс изображения предметов, явлений окружающего мира, но в то же время сохраняющая предельную ясность и выразительность образов. В способах авторского изображения мира органично сочетаются оригинальность художественного мышления и принцип следования классической традиции, богатая философичность и тонкий психологизм.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
2. Воркачёв С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т.60, № 6. – С.47-58.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 205 с.
4. Садокова А. Поэзия изыска и надежды // Японская классическая поэзия. – М.: ЭКСМО, 2004. – С.5-16
5. Горегляд В.Н., Рехо К. Японская литература // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М.Кожевникова и П.А.Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С.528-532
6. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.